

Рассадин В.И.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АНИМАЛИСТСКОЙ ЛЕКСИКИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА*

Хотя монгольские языки начали изучаться довольно давно, основное внимание исследователей привлекали главным образом фонетика, морфология, синтаксис и словари. Лексический же состав монгольских языков, в том числе и бурятского, пока еще слабо изучен. Особенно отстает разработка тематических групп лексики, анализ которых в сравнительном плане мог бы многое дать для объяснения ряда вопросов истории этногенеза монгольских народов. Имеющиеся работы [Поппе 1936; Тугутов 1946; Номинханов 1959; Будаев 1960; Дамдинов 1963; 1974; Дугаров 1963; Бардаев 1972; 1976], освещающие ту или иную тематическую группу лексики монгольских языков, пока еще не меняют сложившейся общей картины. Как видно уже из приведенного перечня литературы, изучались в основном лишь термины, связанные с земледелием и животноводством. Только две статьи посвящены названиям растений и диких животных. Остальные группы лексики остаются пока вне поля зрения монголоведов, хотя необходимость исследования лексики, особенно в сравнительном плане, назрела давно.

Совершенно прав Г.Н. Румянцев, упрекая монголоведов в том, что до сих пор «...нет работ по истории бурятского языка и его взаимоотношений с языками соседних народностей (якутов, хакасов и др.)» [1962, с. 63]. А между тем в современных этногенетических исследованиях данные языка имеют немаловажное значение наряду с данными истории, археологии, антропологии, этнографии, фольклора и других научных дисциплин [То же, с. 62-63]. Наиболее результативным и дающим наиболее показательные материалы для такого рода исследований мо-

жет явиться, по нашему убеждению, сравнительный анализ именно определенных групп лексики.

Как известно, древние бурятские племена обитали на крайней периферии территории расселения монголов и относились к числу так называемых «лесных племен», в хозяйстве которых главенствующее значение имела охота при слабом развитии скотоводства» [Очерки 1972, с. 87]. И лишь впоследствии их хозяйство изменилось, «скотоводство стало почти повсеместно господствующим занятием, оттеснив на задний план древнее рыболовство и собирательство» [Там же]. Еще Б.Я. Владимирцов отмечал, что «...монгольские кочевники-скотоводы сохраняли многое от охотничьего быта» [Владимирцов 1934, с. 35]. И что многие факты «... позволяют видеть в монголе древней эпохи не просто номада, а кочевника охотника» [То же, с. 41. Поэтому для истории бурятского языка имеет большое значение исследование круга анималистской лексики, включающей названия диких животных, а не только одной скотоводческой лексики, как это делалось до сих пор.

Попытаемся восполнить этот пробел и проанализировать в сравнительном плане названия диких животных, бытующие в бурятском литературном языке и его говорах. Источниками, из которых был взят исследуемый материал, послужили словари бурятского языка [Черемисов 1973; Русско-бурят-монгольский... 1954], диалектологические сборники [Исследование.. 1965; 1968] и наши личные наблюдения над лексикой литературного бурятского языка и некоторых бурятских говоров.

Все бурятские названия диких животных предполагается рассмотреть в составе нескольких больших групп.

1. *Копытные животные.* Для бурятского народа, искони населяющего лесную и лесостепную зоны, большую роль в хозяйственной деятельности играла охота на диких копытных животных, дававших людям в древности да и позднее, кроме мяса для пищи, также шкуры для одежды и покрытия жилищ и сухожилия для изготовления ниток. К таким копытным зверям, обитающим на территории, населенной бурятами и являющимися издавна объектом охоты, относятся лось, изюбр, косуля, кабарга, олень и т.п.

Лось - общебурятское видовое название его *хандагай*. Зафиксированы следующие половозрастные термины для лося: *эрэ хандагай* (лит.), *буйрь* (окин.), *буйр хандагай* (еравн.), *худуула хандагай* (еравн.), *анам* (онон. хамн.), *урхэн хандагай* (джид.) «сохатый, самец-лось»;

эмэ хандагай (лит.), *энгин хандагай* (еравн.), *эньдин* (окин.), *энгин* (хор.) «лосиха»; *тугал хандагай* (лит.), *хандагайн тугал* (окин.), *хандагайн хубуун* «лосенок, теленок лося»; *иргацаан* (онон. хамн.) «годовалый лось», *буруу хандагай* «двухлетний лосенок», *хашираг хандагай* «лось до трех лет», *гунан хандагай* (лит.), *хайраг хандагай* (лит.), *хайрмаг хандагай* (закам.) «трехгодовалый лось-самец», *гунжан хандагай* «трехлетняя лосиха».

Как видно, все эти названия являются словосочетаниями, в которых основным компонентом выступает общевидовой термин *хандагай* общемонгольский, представленный также в халхаском (*хандгай*), калмыцком (*хандка*), старописьменном (*qandayai*) языках, встречается и в «Сокровенном сказании монголов», литературном памятнике 1240 г. (*qandayai*) в том же значении «лось». Приведенный выше термин *буйрь*, *буйр* имеет аналогию в халха-монгольском языке, в котором тоже есть словосочетание *бойр хандагай* «лось-самец». С ним, видимо, можно сопоставить х.-монг. *буура*, др.-тюрк. *Бууга* «верблюдо-самец, производитель». Термины *аннам* и *иргацаан*, встречающиеся в языке ононских хамниган, считаются заимствованиями из эвенкийского языка (ср. эвенк. *анам* «лось перед спариванием», *иргичан* «изюбр») [Дамдинов 1968, с. 88]. Термины стп.-м. *toki* и х.-монг. *тохэ* «лось» являются адаптацией тунгусо-маньчжурского *токи* «лось».

В терминах по лосю широко использована общебурятская (являющаяся в то же время общемонгольской) скотоводческая лексика: *тугал* «теленка новорожденный», *буруу* «теленка до года», *хашираг* «двухгодовалый бычок», *гунан* «трехгодовалый бычок», *гунжан* «трехгодовалая телка», *энгин* «верблюдица».

Слово *хандагай* не имеет параллелей в тюркских языках. Эвенкийское *кандага* (северобайкальский говор) «лось» считается заимствованием из монгольских языков [Новикова 1972, с. 126]. Однокоренным с монгольским *хандагай* является лишь маньчжурское *кандахан* «лось» [Там же].

Изюбр (марал, сибирский благородный олень) - его литературное видовое наименование *тураг*. В бурятском языке имеются следующие половозрастные названия для изюбра: *боро тураг*, *марал* «изюбр, марал»; *буга* «изюбр-самец»; */гогоон* (общебур.), *эмэ /югоон* (тунк.) «самка изюбра»; *эли* (закам., окин.) «детеныш изюбра до 6 месяцев», *инзаган* (окин.), *турагай хубуун* «детеныш изюбра», *зоргол* (лит., тунк.), *туйба* (хор.) «годовалый изюбр», *мутуу* (онон. хамн.) «четырёхлетний изюбр».